

СТИВЕН
КИНГ

11/22/63

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Зельде

Привет, милая, добро пожаловать на бал!

Для нашего здравомыслия практически непостижимо, что маленький, одинокий человек смог свалить гиганта, окруженного лимузинами, легионами, толпами, службой безопасности. Если такое ничтожество расправилось с главой самой могущественной страны на земле, тогда трясина несоразмерности засасывает нас и мы живем во вселенной, имя которой — абсурд.

Норман Мейлер

Для влюбленных оспины — что ямочки на щеках.

Японская поговорка

Танец — это жизнь.

ПРОЛОГ

Я не из плаксивых, никогда таким не был.

Моя бывшая говорила, что «отсутствие эмоциональной гибкости» — главная причина, по которой она ушла от меня (как будто парень, встреченный ею на собраниях АА, не в счет). По словам Кристи, она смогла бы простить меня за то, что я не плакал на похоронах ее отца: я знал его только шесть лет и не понимал, какой он удивительный, щедрый человек (к примеру, на окончание школы она получила кабриолет «мустанг»). Но потом я не плакал и на похоронах своих родителей — они ушли с промежутком в два года, отец умер от рака желудка, мать — от острого инфаркта миокарда, который случился, когда она прогуливалась по флоридскому берегу, — и тогда Кристи начала понимать, что у меня отсутствует вышеозначенная эмоциональная гибкость. По терминологии АА, я не «чувствовал своих чувств».

— Я никогда не видела тебя плачущим, — говорила Кристи тем бесстрастным тоном, к какому прибегают люди, когда доходит до окончательного, не подлежащего обсуждению разрыва. — Ты не плакал, даже когда сказал мне, что я должна пройти реабилитацию, а не то ты от меня уйдешь.

Разговор этот произошел примерно за шесть недель до того, как она собрала вещи и перевезла их на другой конец города, переехав к Мелу Томпсону. «Найди свою вторую половинку на собрании АА» — еще одна их крылатая фраза.

Я не плакал, когда смотрел, как она уходила. Не плакал и когда вернулся в маленький дом с большой закладной. Дом, в

котором не появился ребенок и уже никогда не появится. Я просто лег на кровать, которая теперь принадлежала только мне, прикрыл рукой глаза и стал скорбеть.

Без слез.

Но никакого эмоционального блока у меня нет. В этом Кристи ошиблась. Однажды мама встретила меня, девятилетнего, удери, когда я вернулся из школы, и сказала, что моего колли, Лохмача, сбил насмерть грузовик, а водитель даже не остановился. Я не плакал на похоронах Лохмача, хотя отец говорил, что никто не примет меня за слюнтя, если я заплачу, но слезы потекли из глаз, когда мне сказали о гибели собаки. Отчасти — потому что я впервые столкнулся со смертью. В основном — потому что ответственность за гибель пса лежала на мне. Я не убедился, что Лохмач в полной безопасности и не сможет выбежать со двора.

И еще я плакал, когда мамин врач позвонил, чтобы сообщить о случившемся на берегу: «Сожалею, но на спасение не было ни единого шанса. Иногда смерть наступает так внезапно, что врачи склонны видеть в этом благословение свыше».

Кристи при этом не присутствовала — ей пришлось допоздна задержаться в школе, чтобы встретиться с матерью одного ученика: у той возникли вопросы по его успеваемости, — но я плакал, будьте уверены. Пошел в нашу маленькую прачечную, достал из корзины с грязным бельем простыню и поплакал в нее. Не так чтобы долго, однако слезы были. Позже я мог рассказать об этом Кристи, но не видел смысла. По двум причинам. Она могла подумать, что я напрашиваюсь на жалость (у АА такой оборот не в ходу, но, может, им стоило бы взять его на вооружение). И к тому же я не считал залогом крепкой семейной жизни способность в надлежащий момент выжать из себя слезу.

Теперь, по здравом размышлении, я понимаю, что никогда не видел отца плачущим. В момент высшего эмоционального напряжения он тяжело вздыхал, порой с его губ слетали нервные смешки, но бить себя в грудь или гоготать — это не про Уильяма Эппинга. Я помню его строгим, молчаливым, и мать, по большей части, была ему под стать. Поэтому, возможно, отсутствие плаксивости заложено во мне генетически. Однако эмоциональный блок? Нечувствительность к собственным чувствам? Нет, это не про меня.

Не считая того момента, когда мне сообщили о смерти матери, взрослым я плакал, если не изменяет память, лишь однажды, читая

историю отца уборщика. Сидел один в учительской средней школы Лисбона и проверял сочинения, написанные моими взрослыми учениками. Снизу доносился шум: удары баскетбольного мяча, свистки судьи, крики болельщиков, наблюдавших за звериным поединком: «Борзые Лисбона» схватились с «Тиграми Джея».

Кто может знать, когда жизнь зависнет на волоске или почему?

Тему я предложил такую: «День, который изменил мою жизнь». В большинстве своем сочинения получились искренние, но ужасные: сентиментальные байки о доброй тетушке, приютившей у себя беременную девушку-подростка, об армейском друге, проявившем настоящую храбрость, о случайной встрече со знаменитостью (вроде бы с Алексом Требеком, ведущим телевикторины «Риск», а может, с Карлом Молденом). Если среди вас есть учителя, которые зарабатывают дополнительные три-четыре тысячи долларов в год за преподавание в классе взрослых учеников, пожелавших получить Общий эквивалентный аттестат*, они знают, какое токсичное занятие — чтение таких сочинений. Необходимость выставить оценку не имеет к этому ни малейшего отношения, по крайней мере для меня: «неуд» я не ставлю никому, потому что никогда не встречал взрослого ученика, не проявившего должного старания. Если ты сдаешь сочинение, можешь не сомневаться, что Джейк Эппинг с кафедры английского языка и литературы ЛСШ** поставит тебе положительную отметку, а если текст разделен на абзацы, четверка с минусом точно гарантирована.

Труднее всего то, что учить их приходилось, просто исправляя ошибки — ручкой с красной пастой, и я практически всю ее списывал. Тоска наваливалась потому, что очень малая часть пасты могла принести пользу: если ты дожил до двадцати пяти — тридцати лет, не зная, как правильно писать слова (полностью — не полнастью), или ставить прописные буквы (Белый дом — не белый-дом), или составлять предложения, содержащие и имя существительное, и глагол, — тебе этому уже никогда не научиться. И тем не менее мы продвигались вперед, смело обводя не-

* Общий эквивалентный аттестат — свидетельство о среднем образовании, которое выдается после прохождения тестирования по пяти основным предметам в рамках Программы аттестации взрослых. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Лисбонская средняя школа (которую окончил Стивен Кинг).

правильно использованное либо лишнее слово, скажем, «очень» в предложении «Мой муж сразу решил, что все очень ясно», а также заменяя определенную форму глагола неопределенной, например, «испортится» на «испортиться» в вопросе «Ну что там могло испортиться?».

В тот вечер я занимался этой бессмысленной, занудной работой, тогда как неподалеку баскетбольный матч между школьными командами приближался к завершению еще одной четверти... мир без конца, аминь. Происходило это вскоре после возвращения Кристи из реабилитационного центра, и, пожалуй, если я о чем-то и думал, то лишь об одном: надеялся, что, придя домой, увижу ее трезвой (так и случилось: за трезвость она держалась крепче, чем за мужа). Помнится, появилась легкая головная боль, и я массировал виски, чтобы неприятные ноющие ощущения не сменились размашистыми ударами парового молота. Я помню, как думал: *Еще три штуки — и точка. Я пойду домой, налью большую чашку растворимого какао и окунусь в новый роман Джона Ирвинга, выкинув из головы эти искренние, но так плохо написанные сочинения.*

Не заиграли скрипки, не зазвенели тревожные колокольчики, когда я взял сочинение уборщика, лежавшее первым в тоненькой стопке еще не прочитанных, и положил перед собой. Не возникло никакого ощущения, что в моей заурядной жизни грядут перемены. Но мы никогда не знаем, что нас ждет, ведь так? Жизнь может развернуться на пяточке.

Уборщик пользовался дешевой шариковой ручкой, паста во многих местах перепачкала все пять страниц, исписанных корявым, но разборчивым почерком, и он, похоже, очень сильно нажимал на ручку, потому что буквально выгравировал эти слова на бумаге. Закрыв глаза и пройдясь подушечками пальцев по обратной стороне вырванных листов, я мог бы прочесть текст, как по Брайлю. Каждая буква «у» снизу заканчивалась маленьким завитком, будто росчерком. Это я помню особенно ясно.

Помню я и начало его сочинения. Слово в слово.

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер когда мой отец убил мою мать и двух братьев и тяжело ранил меня. От него досталось и моей сестре, и она ушла в кому. Через три года она умерла не очнувшись. Ее звали Эллен и я очень ее любил. Она любила собирать цветы и ставеть их по вазам.

На середине первой страницы у меня защипало глаза, и я отложил мою верную красную ручку. А когда добрался до того места, где описывалось, как он залез под кровать, а кровь заливала ему глаза (*она также стекала мне в горло, такая мерская на вкус*), из моих собственных глаз покатались слезы — Кристи бы очень мной гордилась. Я дочитал до конца, не исправив ни единой ошибки, вытирая лицо, чтобы влага не размыла слова, которые, несомненно, дались ему с огромным трудом. Раньше я думал, что с головой у него хуже, чем у остальных, что он, возможно, только на полшага опережает тех, кого принято называть «поддающимися обучению умственно отсталыми». Что ж, клянусь Богом, на то была причина. Как и причина для хромоты. Просто чудо, что он вообще остался в живых. Но он выжил. Милый человек, который всегда улыбался и никогда не повышал голос на детей. Милый человек, который прошел через ад, а теперь стремился — смиренно и с надеждой, как большинство моих учеников, — получить аттестат средней школы. Хотя до конца жизни ему предстояло быть уборщиком, неприметным парнем в зеленой или коричневой униформе, шурующим шваброй и соскабливающим с пола жвачку шпателем, который он всегда носил в заднем кармане. Может, он и стал бы кем-то еще, но за один вечер жизнь его круто переменялась, и теперь он — лишь неприметный парень в «Кархарт»*, прозванный школьниками Гарри-Жаба за походку.

Я плакал. Настоящими слезами, которые идут от самого сердца. До меня донесся победный марш школьного оркестра. То есть хозяева праздновали победу, и я мог только порадоваться за них. Позже, когда зал опустеет, Гарри и паре его коллег предстояло откатить трибуны и выгрести весь мусор, который набросали зрители.

Я поставил жирную красную пятерку в верхнем правом углу первого листа. Посмотрел на нее пару секунд, а потом добавил большой плюс. Потому что он написал хорошее сочинение и потому что его боль вызвала во мне, читателе, эмоциональную реакцию. А разве не это должно вызывать сочинение, за которое ставят пять с плюсом? Разве не эмоциональную реакцию?

Если же говорить обо мне, остается только сожалеть, что моя бывшая ошиблась. Увы, с эмоциональным блоком у нее вышла промашка. Потому что эти слезы стали началом всех последовавших событий — всех этих ужасов.

* Марка рабочей одежды.

Часть I

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

Глава 1

1

Гарри Даннинг окончил школу с отличием. Я пришел на небольшую церемонию вручения аттестатов взрослым ученикам, которая проводилась в спортивном зале ЛСШ, по его приглашению. А кого еще он мог пригласить? Я откликнулся с радостью.

После завершающей благодарственной молитвы, произнесенной отцом Бэнди, который редко пропускал мероприятия, проводимые в ЛСШ, я сквозь толпу родственников и друзей прошел к одиноко стоявшему Гарри, одетому в просторную черную мантию, с аттестатом в одной руке и взятой напрокат квадратной академической шапочкой в другой. Я забрал у него шапочку, чтобы пожать руку. Он улыбнулся, продемонстрировав оставшиеся зубы (некоторые были кривыми) и дыры между ними. Но улыбка все равно была солнечной и обаятельной.

— Спасибо, что пришли, мистер Эппинг. Огромное спасибо.

— Не за что. И называйте меня Джейк. Это маленькое послабление я делаю всем ученикам, которые по возрасту годятся мне в отцы.

На его лице отразилось недоумение, потом он рассмеялся:

— Действительно гожусь, да? Ну дела!

Я тоже рассмеялся. Вокруг многие смеялись. И разумеется, не обошлось без слез. Мне-то они давались с трудом, а большинству — легко.

— За всю жизнь ни разу не получал пятерку с плюсом! И не ожидал получить!

— Вы ее заслужили, Гарри. И что вы сделаете в первую очередь, имея на руках аттестат средней школы?

Улыбка на мгновение поблекла — так далеко он еще не заглядывал.

— Скорее всего пойду домой. Я снимаю домик на Годдард-стрит. — Он поднял аттестат, держа кончиками пальцев, словно боялся, что чернила могут размазаться: — Вставлю его в рамку и повешу на стену. Потом, наверное, налью стакан вина, сяду на диван и буду восхищаться им, пока не придет время ложиться спать.

— План неплохой, — кивнул я, — но как насчет того, чтобы сначала съесть бургер с жареной картошкой? Мы можем посидеть у Эла.

Я ожидал, что он поморщится, но, разумеется, так сделали бы разве что только мои коллеги. Нет, еще и большинство детей, которых мы учили. Забегаловку Эла они обходили как чумной барак, отдавая предпочтение «Дейри куин» напротив школы и кафе «Хай-хэт» на шоссе номер 196, рядом с тем местом, где когда-то находился старый автокинотеатр Лисбона.

— С удовольствием, мистер Эппинг. Спасибо!

— Джейк, помните?

— Джейк, точно.

И я отвез Гарри к Элу, куда другие учителя не заглядывали, и хотя в то лето Эл нанял официантку, он обслужил нас сам. Как обычно, с сигаретой (закон запрещает курение в барах, кафе и ресторанах, но Эла это никогда не останавливало), свисавшей из уголка рта, и прищуренным от дыма глазом. Увидев сложенную выпускную мантию и поняв, по какому случаю праздник, он настоял, что угостит нас за счет заведения (если на то пошло, все блюда у Эла стоили на удивление дешево, подпитывая определенные слухи о судьбе бродячих животных, заглянувших в окрестности забегаловки). Он также сфотографировал нас, чтобы потом повесить фотографию на так называемую Городскую стену славы. Среди других «знаменитостей», удостоенных этой чести, я видел ныне покойного Альберта Дантона, основателя ювелирного магазина «Ювелирные изделия Дантона», Эрла Хиггинса, бывшего директора ЛСШ, Джона Крафтса, владельца «Автомобильного салона Джона Крафтса», и, разумеется, отца Бэнди из церкви Святого Кирилла (рядом со святым отцом висела фотография